

Они вернулись в общежитие в неловком молчании. Всю дорогу никто не проронил ни слова. Хэ Шу пытался как-то разрядить обстановку, но не знал, с чего начать.

Ситуация была до абсурда странной.

Вероятность того, что Дуань Чэнхань пойдет на попятную, была ниже, чем вероятность того, что свинья научится летать.

Раньше, если Дуань Чэнхань злился, он непременно включал режим высокомерного принца. С самого детства его носили на руках, и хотя на людях он часто демонстрировал удивительное терпение и выдержку, все, кто знал его хоть немного ближе, понимали: этот молодой господин из семьи Дуань смотрит на всех свысока, и если уж ты его по-настоящему разозлил, о примирении можно забыть.

Однако к Хэ Шу он проявлял странное терпение.

В прошлом Хэ Шу часто унижался и лебезил, пытаясь развеселить Дуань Чэнхана. Нужно было рассыпаться в комплиментах с головы до ног, чтобы удостоиться хотя бы мимолетного взгляда от молодого господина. А потом тот снова замолкал, и Хэ Шу продолжал свои попытки задобрить его.

И всегда в итоге добивался своего.

Окружающие говорили, что Хэ Шу — как кошачья мята для Дуань-павлина: стоило тому закапризничать, как Хэ Шу его быстро успокаивал.

Дуань Чэнхань никогда не опровергал шутки друзей на этот счет, что в прошлой жизни лишь укрепляло Хэ Шу в мысли, что он занимает особое место в сердце Дуань Чэнхана.

Словно вредный, своенравный кот, который соглашается спать только в твоих объятиях — чем не проявление симпатии?

Конечно, это было лишь приукрашенное восприятие самого Хэ Шу.

Ожидания были радужными, а реальность — суровой.

Честно говоря, литература про взаимную безответную любовь в романах — та еще зараза.

Но времена изменились. Раз уж молодой господин, будучи в таком гневе, сам пришел на мировую, значит, Дуань Чэнхань решил сменить имидж и больше не хочет играть роль ледяного принца.

Непривычно.

Впрочем, не в этом суть.

Хэ Шу достал из шкафа рубашку, но не стал переодеваться сразу. Он помедлил, а потом, наконец, не выдержав, обернулся и встретился с обжигающим взглядом.

Дуань Чэнхань, высокий и длинноногий, сидел на стуле прямо за спиной Хэ Шу, невозмутимо наблюдая за тем, как тот застыл на месте.

— Ты... — начал было Хэ Шу, но его перебили.

— Чего не переодеваешься? — снисходительно поинтересовался Дуань Чэнхань.

Хэ Шу очень хотелось закатить глаза:

— Ты не мог бы отвернуться?

Кто в здравом уме будет в упор, не мигая, смотреть, как сосед по комнате переодевается?

Разве не логично было бы тактично отвести взгляд?

Напускная холодность Дуань Чэнханя дала трещину, лицо его оживилось, он приподнял бровь и ухмыльнулся:

— Тебе что, нужно, чтобы я отвернулся, когда ты просто снимаешь верх? Будто я этого не видел.

— ...

— Я стеснительный, нельзя?

Дуань Чэнхань усмехнулся:

— Ты? Стеснительный?

Хэ Шу стиснул зубы. Что это за выражение лица у этого пса Дуаня? В смысле, он не может быть стеснительным?

Не успел он возразить, как Дуань Чэнхань добавил:

— Не помнишь, как давно-давно, на выезде нашего класса на остров, ты, будучи в одних трусах, завалился ко мне в кровать и прижался, чтобы поспать? Тогда ты не говорил, что стесняешься.

Лицо Хэ Шу вспыхнуло, и он не сдержал эмоций:

— Кто был в одних трусах?! Не болтай ерунды!

Да и насчет того, как он завалился в кровать — в прошлой жизни Хэ Шу и помыслить бы не посмел о таком, он спал тише воды.

Пусть этот пес Дуань не возводит на него напраслину.

Нормальный, здоровый парень-гей, спящий в обнимку со своим идеалом без одежды? Да такое даже представить невозможно.

Иначе как потом объяснить неконтролируемую реакцию организма?

Хэ Шу спросил:

— Я же тогда был в штанах?

— А, — Дуань Чэнхань вальяжно откинулся на спинку стула, приподняв бровь, — значит, был? Забыл.

Псих.

Хэ Шу не знал, что на том острове в прошлой жизни случилось подобное. Тогда их поселили в одну палатку, и Хэ Шу казалось, что это верх двусмысленности, почти как спать в одной постели.

Он весь день ходил возбужденный, сердце колотилось от предвкушения, он постоянно представлял, как они будут дышать одним воздухом в темной тесной палатке.

Остров, пляж, легкий бриз, кемпинг, жар, страсть...

Все они были молодыми, горячими парнями, и в такой атмосфере легко было вспыхнуть искрам.

От одних мыслей в жар бросало.

Но вышло иначе: у Дуань Чэнханя оказался удивительно крепкий сон. Хэ Шу, едва дождавшись ночи, не успел даже завести разговор о высоком, как объект его обожания уже погрузился в сладкие грезы.

И как ему было проявлять инициативу в одиночку? Не станет же он бесстыдно трясти человека, заставляя его участвовать в своих фантазиях!

Да и по телосложению Дуань Чэнхань был не из тех, кого можно к чему-то принудить.

Поэтому в памяти Хэ Шу осталось лишь то, что, поняв безнадежность ситуации, он сам заснул, а к утру Дуань Чэнханя и след простыл.

А теперь этот пес Дуань заявляет, что он сам к нему прижимался...

— А... это самое, что было?

Дуань Чэнхань с ухмылкой скользнул взглядом ниже пояса Хэ Шу:

— А как ты думаешь?

— ...

Это не иллюзия, Дуань Чэнхань стал гораздо наглее, чем в прошлой жизни, словно в него вселился кто-то другой.

Хэ Шу не мог выносить этот его развязный тон.

Ладно, лучше уж переодеться в туалете. К черту гордость, если он не признается, что он гей, то этот слепой натурал Дуань Чэнхань вряд ли подумает о чем-то странном.

В конце концов, в прошлой жизни он вел себя куда очевиднее, и тот ничего не понял.

Приняв решение, Хэ Шу нырнул в туалет и захлопнул дверь. Дуань Чэнхань опешил, его улыбка сменилась недовольством, и он громко спросил:

— Ты серьезно? Просто футболку поменять! Я что, тебя съем?

Хэ Шу внутри промолчал. Дуань Чэнхань нахмурился, чувствуя, что Хэ Шу все больше от него

отдаляется и становится совсем непослушным.

Когда Хэ Шу вышел, Дуань Чэнхань обхватил его за шею, процедив сквозь зубы:

— Слушай, приятель, не перегибаешь? Мы же не настоящие гомики. Не только ты и я, вон, Лао Сун и Лао Сяо вечно подкалывают друг друга, чего ты так шарахаешься, будто раздеваешься перед кем-то?

Хэ Шу ответил:

— Я стеснительный.

— Стеснительный, понятно, — прорычал Дуань Чэнхань. — Я уважаю твоё пространство, но не надо...

Он осекся. Хэ Шу с недоумением поднял на него глаза. Дуань Чэнхань убрал руку и, почесывая затылок, пробормотал:

— Не веди себя как капризная девчонка, ладно? Если я что-то даю, просто бери, не надо вечно ломаться. Я эти два дня только и делаю, что пытаюсь понять твоё странное поведение, сил никаких нет.

?

Что он несёт? Что это вообще за слова?

Хэ Шу серьёзно посмотрел на него:

— Во-первых, я не капризничаю. Те вещи, что ты даёшь, мне не особо нужны... я...

— А что тебе нужно? Деньги? Просто попросил бы у братьев, — перебил его Дуань Чэнхань, не дожидаясь ответа.

Дуань Чэнхань, который разузнал о семье Хэ Шу всё до последнего гроша, был уверен, что тот просто ломается из гордости.

Конечно, для него эти мелочи ничего не стоили: он и деньги переводил, и электронику покупал. Какой парень не любит такие вещи?

Он просто хотел, чтобы Хэ Шу жил с комфортом, а дарить подарки лучше, чем просто совать деньги — их отношения не должны сводиться к товарно-денежным, нужно вносить

разнообразие.

Словно он нанимает Хэ Шу в друзья.

Хорошо, что Хэ Шу не умел читать мысли, иначе он бы точно скончался от ярости, услышав эту идиотскую логику.

Сейчас ему казалось, что он мечет бисер перед свиньями. Он никогда не думал, что Дуань Чэнхань может быть таким непробиваемым. Или же он просто не достоин того, чтобы с ним проявляли деликатность?

Наверное, когда долго находишься в подчиненном положении перед молодым господином, любая попытка выйти из-под контроля вызывает у него раздражение.

Но даже если он недоволен или ему непривычно, избалованный судьбой небожитель никогда не попытается понять чувства того, кто находится внизу.

Разве он мог знать, что отдаление Хэ Шу — это способ спасти себя? Он, который так любил деньги... теперь даже их не хотел.

Хэ Шу не желал больше тратить слова:

— Нет, ты всё не так понял.

Он посмотрел на Дуань Чэнханя, подчеркнуто серьезно произнес:

— И еще: капризы — это не женская черта. Мужчины тоже бывают капризными, мнительными, ранимыми. Не надо привязывать эти качества к полу, будто девушки — это что-то неадекватное.

— Если бы те девушки, которым ты нравишься, услышали это, они бы очень расстроились. Стоило бы показать им твое истинное лицо.

В глубине души Хэ Шу считал, что женщины выносливее мужчин. По крайней мере, в его жизни опорой была пожилая женщина — его бабушка.

А его отец, вечный ребенок, любитель пожить в свое удовольствие, исчез, как только у них появились деньги.

Отец — как гора? Если отцовская любовь — это просто молчание, то лучше бы ее не было вовсе.

Более того, если говорить о мнительности, то Дуань Чэнхань — самый настоящий капризный мужчина...

— Эй, я не это имел в виду, просто ляпнул, — Дуань Чэнхань, видя серьезность Хэ Шу, поспешил оправдаться, и тема разговора свернула в сторону. — Ладно, проехали. После военной подготовки будут праздники по случаю Дня образования КНР. Мой друг зовет на открытие нового курорта, поедem развеемся? Лао Сун и Лао Сяо тоже будут.

Куда уж Хэ Шу ехать? После подготовки нужно искать подработку. Сегодня утром, вернув перевод Дуань Чэнханя, он снова остался почти без гроша. Хоть какие-то сбережения и были, на поездку их не хватит.

— Не поеду, у меня дела.

Дуань Чэнхань не верил, что у Хэ Шу могут быть дела. Столько лет у того не было других друзей, выходные он проводил в одиночестве. Раньше, когда они с Сун Яо уходили гулять, Хэ Шу постоянно бомбил его сообщениями в WeChat, рассказывая, как ему скучно.

Готовит, рыбачит, ходит с бабушкой на рынок... Дуань Чэнхань не понимал, зачем он это пишет, считал это скучным, поэтому либо не отвечал, либо отвечал сухое «угу».

Вспомнив об этом, Дуань Чэнхань решил, что Хэ Шу просто ломается, и добавил жесткости:

— Поедешь. Как закончится подготовка, сразу выдвигаемся. Мой водитель заедет.

...?

Хэ Шу даже отвечать не стал, решив, что молчание — лучший отказ. Но Дуань Чэнхань, похоже, истолковал это по-своему, решив, что вопрос решен.

Позже, когда Хэ Шу пошел к старосте, Дуань Чэнхань увязался за ним, и в итоге они втроем пошли заполнять какие-то бумаги.

Увидев, что именно они делают, Дуань Чэнхань презрительно хмыкнул, узнав про пособие. Конечно, он промолчал, но Хэ Шу по его физиономии понял всё.

Более того, по дороге Дуань Чэнхань, узнав, что староста — девушка, заметно расслабился. Но потом начал беспричинно цепляться к ней, отчего та выглядела смущенной и напуганной, боясь лишний раз открыть рот. Хэ Шу, стоявший рядом, чувствовал себя крайне неловко.

Просто псих.

<http://bllate.org/book/22251/2327673>